

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 7 (119)

Николай Каменев.

1867 г.

Продолжение, начало в
выпуске 6 (118).

Бассейн Псекупса

Приход хамышевцев на реку Псекупс не остался без влияния на соседственные адыгские племена: жанеевцев, темиргоевцев и шапсугов. Страх, внушенный абадзехами, заставил их потесниться и добровольно дать место бесприютным изгнанникам, славным князьям хамышевским. Черченевцы, очистив верхний бассейн реки Псекупса, перешли за реку Чигияко, и отодвинули жанеевцев к Кубани и Белой: на правую сторону этой реки перешел темиргоевский аул Адемий, а шапсуги уступили князю хамышевскому урочище Адыгеко, где он и основал свою резиденцию.

Но недолго бассейн Псекупса находился во владении бжедугов. По примеру прочих адыгских племен, очутившихся соседями вооруженных земледельцев, именовавшихся абадзехами, и бжедуги не смели мечтать о прочной оседлости. Управляемые на феодальных основаниях, они также повиновались князьям и воркам, личная выгода которых заключалась в том только, чтобы поддерживать между ними средневековой, внутренней порядок. Вот почему, по-видимому, цивилизованные адыгские племена, низошли на степь кочующих племен. Со времени появления абадзехов, адыге начали строить легкие турлучные сакли, селиться большими аулами, где власти удобно было присматривать за простым народом, который, завидуя независимости абадзехов, сам к ней стремился. Словом, адыгские племена стали на походную, вооруженную ногу и двигались за князьями от гор к равнинам Лабы и Кубани. Абадзехи же, заняв землю, ставили сруб; селились хуторами, признавая власть старшего в семействе; жадно приобретали у адыг места, укрепленные природой; не увлекались воинской славой, практикуясь разбоем и грабежом, а обрабатываемую землю защищали упорно, считая ее основным капиталом деятельности. Аристократия адыгская не в силах была вытолкать абадзехов из пересеченной местности за недостатком единодушия; постоянные же на-

беги на разбросанные хутора, доставляя добычу, явились в то же время самолюбие князей и дворян, которым приходилось скрещивать оружие с мужиками. При таких условиях абхазские фамилии Кушмеза и Оздемира в несколько веков размножились до того, что стали нуждаться в земле и предпринимать вооруженной толпой выселения. Потребность в земле превратила адыгские племена в сторожевое войско абадзехов, прикрывшее их сперва от татар, а потом и от русских.

Но обратимся к бжедугам. Как было замечено, они не долго хозяйничали на реке Псекупсе. Назад тому 236 лет, как говорят горцы, следовательно в 1631 году, произведено было абадзехами одно из больших выселений, сравнить которое можно с наше- ствием орды. Лагерные постройки адыгских племен по р. Пшехе, Пшишу и Курджипсу, впадающим с левой стороны в р. Белую, были брошены. Махашевцы перешли на Фарс и Псефир; темиргоевцы, прогнав за Лабу ногайские племена, заняли земли по правую сторону реки Белой; что же касается до бжедугов, обрабатывающих преимущественно наше внимание, то в это же выселение против них выступили два наездника Едик и Неджюк, которые славились ненавистью к хамышевским князьям. По горам хребта Хотх, они повели на бжедугов целое полчище народа с женами, детьми и хозяйством. Возгорелась многолетняя война, не допускавшая решительной битвы, потому что абадзехами заняты были высоты Хотха, укрепившись на которых они настойчиво теснили бжедугов, не позволяя покойно заниматься полевыми работами, и наконец овладели бассейном Псекупса от верховьев до р. Чигияко.

Уступив свои земли, бжедуги подвинулись к Кубани, потрясли в основаниях племени жанеевцев, часть которого сплилась с ними, а другая ушла на остров Каракубань. Низовья рек: Пшиша, Псекупса до реки Афипса, заселенные жанеевцами, перешли к бже-

дугам, где и живут они до настоящего времени. Бжедуги насчитывают 228 лет существования своего на землях, ныне ими занимаемых, следовательно, окончательный переход верхнего и среднего бассейна Псекупса во владение абадзехов совершился в 1639 году, после восьмилетней борьбы... [концовка предложения не читается из-за повреждения газетного листа, прим. С.Х.]

Приход абадзехов из-за южного склона главного хребта несколько подтверждает и фамилия Оздемир, в которой нетрудно угадать собственное имя, встречаемое в настоящее время в племени абхазском: Оздемир, Адамир, Остамир и т.п. Если же в названии «Абадзех» отыскать корни языка адыгского, то оно может быть переведено так: Аба – имя собственное, указывающее родину, дзе – войско, корень глагола дзенырбить; х есть знак множественного числа. В таком случае, название абадзехи вполне характеризует вооруженные нашествия этого племени на племена адыгские, от которых они заимствовали язык и получили имя, как незначительная горсть пришельцев, брошенных в среду народа, выше их развитого...

По заключению же известных писателей, знакомивших публику с кавказскими племенами, племя абадзехов причислено ими к племени адыг. За неимением письменных памятников у горских народов, заключение это по всей вероятности основано на логических выводах о значении языка в этнографическом отношении. Между тем, всякому горцу известно, что абадзех, назвав себя адыге, в то же время величался благородным своим происхождением, иначе хвастался... Переворот, быстро совершившийся на Западном Кавказе, оставил нам прощальный лепет народа, навеки бросившего родину. Этот лепет подслушан и передается во всей чистоте касательно описываемой местности, следовательно живое слово непростительно было бы заменить печатным, умолчав о появлении абадзехов из Абхазии под предводительством

Кушмеза и Оздемира. Опровергнуть или подтвердить эту новость – дело будущей исторической критики; наше время обязано собирать материал из уст народа, ныне возрождающегося и снять с него портрет прежде, нежели изменятся черты его под влиянием новых условий жизни.

III

[Третья часть публикуется в сокращенном виде, поскольку в нашем распоряжении нет номеров КВВ, в которых она была опубликована. Выписки из третьей части предоставлены Маратом Губжоковым].

По занятии Псекупса, абадзехи – народ существенно демократический, не остались равнодушными к соседям своим: шапсугам, бжедугам и натухаевцам, откуда раздавался вопль среднего сословия, угнетенного князьями и дворянами. – Абадзехи сознательно поддерживали дружеские сношения с этим сословием, входили в родственные связи и раздували ненависть к сословию высшему, властолюбие которого, при благоприятных обстоятельствах, могло бы сделаться и для них опасным. [Закономерный итог – Бзиюк и участие абадзехов в битве].

Все племена, говорящие адыгским языком, составлены из двух главных элементов: иностранного и туземного. Князья и большая часть дворянства низших степеней – иностранцы; к коренным же обитателям принадлежат: простой народ, добровольно признавший власть их, и дворяне первого класса.

Имя князя, поднявшего их [темиргоевцев] с Туапсе, предание не сохранило, но он победоносно довел свой народ до реки Белой, и умножил его однодворцами, не успевшими укрыться в горные тущобы. Захваченные внезапно и покорившиеся власти добровольно, вошли в состав племени под именем «ог» - подвластный, корень глагола «огонь» - держать в подчинении. Те же, которые отстаивали свою свободу упорной защитой или спасаясь бегством, захвачены были враспынную, сделались военнопленными и

поступили рабами к лицам их взявшим, под названием «пшитль» (буквально – муж высшего). Как опытные, трудолюбивые земледельцы, они, с лишением свободы, приобрели особое внимание со стороны владельцев, которые, имея в виду укрепить их за своим потомством и не допустить бегства, вместе с покровительством, утвердили за ними и права донныне сохранные...

[Предания – дворяне – пришельцы – Абаты и др. – кабардинцы].

Замечательнее всех из этих выходцев был Абат, рожденный от родственницы князя Инала, имевшей связь с ворком из фамилии Тамбиева. Достигнув зрелого возраста, Абат также хотел участвовать в управлении народом; но большинством голосов отвергнут был, как незаконнорожденный. Оскорбленный Абат, окружив себя преданными дворянами, в числе которых предание сохранило имена: Сшхашете – «сшха» - голова, «пете» - крепкий и Херзег из фамилии Анзорова, бросил кабардинцев и с р. Белой пробрался к низовым жителям... С водворением Абата у низовых жителей они начали именоваться Нетхакуадже и Шапсуг. ... Спустя несколько времени, к натухаевцам приехал на белом коне кабардинец Куденет и произвел на них сильное впечатление... На вопрос окрившего народа: кто ты такой? Куденет отвечал: «Чипако». «Чи» - земля, «пако» - по кабард. чужой. Принятый с радушием, он остался у натухаевцев навсегда, удержав за собой фамилию Чипако и оправдал ожидания народа, защищая его от мародерства адыгских дворян.

Таким путем занесено было к шапсугам и натухаевцам дворянское семя.

Князь соединял в своих руках власть распорядительную, зависевшую от приговора народного, и власть исполнительную, приводя ее в действие посредством сословия дворян. Один только князь в народе [во времена Инала] не имел своей собственности и не заботился о ней; цель его жизни заключалась в настойчивом стремлении сделать своих подданных счастливыми и упрочить славу свою в потомстве, а за то подданные доставляли ему все ма-

териальные блага.

Сословие дворян в адыгских племенах, образованное из туземных старшин и дружин иностранцев, пополнялось впоследствии и лицами среднего сословия. Чтобы заслужить достоинство дворянина, жалюемое владельцем, требовались: удалство и слепое ему повиновение...

К первому причислены были «тлекотлеши», тлеко – ходатай, посредник; тлешь – твердый, крепкий. Тлекотлеши были потомки тех старейшин, которые правили народом в Хекудже и руководили избранием князей. Они ходатайствовали за народ перед князьями, а в случаях разлада их с народом, были между ними посредниками и примирителями. На тлекотлешах лежала также обязанность блюсти за сохранением в чистоте обычаев народных, крестьянских прав.

Тлекотлеши имели своих подвластных, среди которых были дворяне, возведенные ими самими в это звание. Отношения тлекотлешей к княжеской фамилии были следующие: по требованию князя они обязаны были являться на войну с вооруженными всадниками; сопровождать князя при поездках его в гости, держась во время пути левого стремени; для невест князя устраивать «тешь» – двухмесячное угощение. Посредством браков они были в родственных связях с князьями, что и облегчило первым князьям слитие с народом. Права князя не распространялись на собственность тлекотлеша, от чего прогрессивно богатея, тлекотлеши часто соперничали с князьями, вели с ними распри и нередко выходили окончательно из-под их зависимости.

Ко второму классу дворян принадлежали «пшиворки» – княжеские дворяне; они были потомки иностранных дружин. Пшиворки дежурили у князя, стоя у дверей кунацкой избы; обязаны были принимать и угощать его гостей, а если в кунацкой избе князя для гостей не доставало места, то должны были принимать и угощать их у себя дома. Получая от князя подарки, они поставлены были в двусмысленное положение относительно своей собственности. Князь располагал ею по произволу, отбирая у пшиворка лошадей, скот и крестьян, для надления ими почетных гостей. При выезде князя, пшиворки составляли его свиту, следуя в хвосте лошади. Если пшиворк сильно провинится или пожелал бы оставить у князя службу, то не теряя звания дворянина, терял часто все имущество, подаренное княжеской фамилией; как ему лично, так и его предкам. Князь имел право отобрать у него все подарки, тогда пшиворк превращался в «чютворка» – чю – бык, т – сокращенное «ту» – два, иначе: делался пароволовым дворянином.

Третий класс составляли – «ворк сшаутлегуссе», сшау – юноша, молодец, тле – муж, гуссе – товарищ, что означает молодого человека, которого взрослый взял в това-

рищи. В это звание возводились владельцами за заслуги ловкие, храбрые, преданные юноши из среднего сословия. Они обязаны были возить за владельцами запасные стрелы и водить заводных лошадей, раздевать и одевать владельцев; чистить их оружие, седлать коня, подводить его к ноге; занимать караул и смотреть за военной добычей. На них возлагались также поручения, сопряженные с опасностью и требовавшие удалства. Ворки сшаутлегуссе, не имея права по своему произволу присутствовать в кунацкой владельцев, имели право ежедневно продовольствоваться у них; были постоянно вооружены и готовы явиться на службу по первому их призыву. Слава на джигитовке и войне была главной заботой ворков сшаутл.

К области умственного образования адыгских дворян принадлежало: знание фамильных и народных преданий, знание обычаев и прав, присвоенных их сословию; знание старшинства крови между собою, что выражалось утонченной вежливостью к старшему и гордой холодностью в обращении с младшим. Материальные средства к существованию сословия дворян приобретались ими на войне, в набегах и на воровстве, облагороженном открытой, молодецкой защитой в случае неудачи; приобретались также от владельцев в виде подарков; иная трата сил считалась уделом сословий низших...

[Последствие воспитания у аталыка] Вступая в самостоятельную жизнь, юноша продолжал ее с притупленными чувствами и рассудком, эгоистически направленным.

Среднее сословие, образовавшееся из аборигенов, составляло ядро адыгских племен, сильное многочисленностью, могущественное производительным трудом. Часть этого сословия, жившая в одном ауле с князьями, называлась «пшикеу» – пши – князь, кеу – плетень; остальная – соединенная в аулы тлекотлешей и ворков – именовалась «тльфокотль»...

Сословие тльфокотль, как незавоеванное, считало себя свободным сословием, добровольно обязавшимся не щадить ни имущества, ни живота своего для поддержания княжеской власти, заботившейся о самостоятельности племени.

При первых князьях, оправдавших, как говорит предание, выбор народа, обязательство это для трудящегося сословия не было обременительно. Помогая князю, оно в то же время увеличивало собственное благополучие, пользуясь плодами завоеваний и было действительно свободным, хотя и подчиненным в отношении суда и расправы. Но впоследствии времени, с размножением князей и уменьшением случаев, доставляющих добычу, князья, а за ними и дворяне, первоначально начальники, а потом владельцы аулов, под предлогом заботливости о сохранении внутреннего порядка

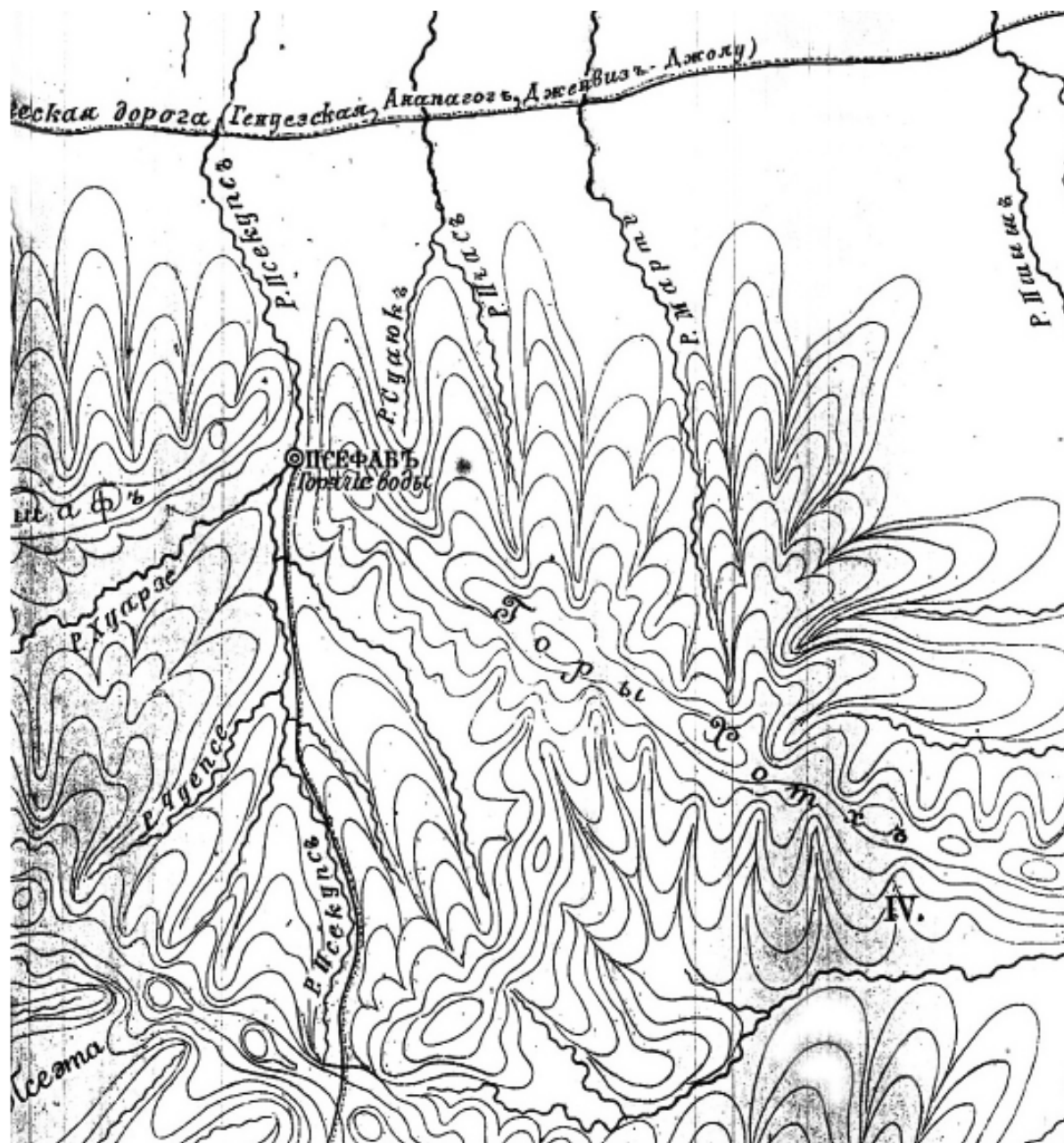
между народом – установили за преступления штрафы. А так как непослушание владельцу состояло во главе преступлений, то и выходило, что требование князем: лошади, скота или пригожей холопки, должно было выполняться во избежание штрафа за ослушание. За другие же проступки, как уголовные, так и гражданские, назначаемые властью штрафы, разделялись между ею и истцом. Если власть принадлежала такому владельцу, который не отличался качествами, внушающими страх племени, то и штрафы взимались в том размере, в каком за такие же преступления определялись кем-либо из замечательных предков владельца и исполнялись как старый обычай; в противном случае, штраф взимался по произволу и врезывался в народную память, как обычай новый. Такая система соблюдения в народе порядка, благоустройства и нравственности установилась на самом безгрешном основании: на отказе первоначальной власти от личной собственности и на добровольном принесении имущества и жизни народной к ее поддержанию. Такая система не замедлила превратить потомков покровителей народа в притеснителей его, направив проявления духа народного исключительно к одному корыстолюбию, отнявшему у него все средства к облагородствованию и самостоятельной цивилизации.

IV

Обратимся теперь к внутреннему устройству и управлению, бывшему у абадзехов до Бзиюкской битвы. Во время восстания оздемировцев против союзников в адыгском казначестве, среди которого были выходцы и из ногайского племени, удалившиеся с мурзами в горы, от преследования крымских ханов. При таком разнообразии племенного состава абадзехов, они не управлялись старшинами. Свободный, вольный народ, разделенный на шайки, подчинялся предпринимчивым наездникам, кто бы они ни были, и слушался их до тех пор, пока под их предводительством не отбивал у адыг землю. Едва же земля была занята, шайка рассеивалась, строила хутора и до новой опасности не помышляла о сборе, следовательно не думала о власти. По понятиям абадзеха, власть над ним принадлежала только богу и главе семейства. Казалось бы, при таком порядке дел, самостоятельное существование племени, составленного из однодворцев – не мыслимо. Но вышло наоборот: обрабатывая усердно землю, оно мужало, увеличивалось постоянно новыми адыгскими выходцами, искавшими труда безвластного и в заключении отличалось единомыслием относительно взгляда на жизнь. Против умыслов адыгской аристократии, абадзехи единодушно восставали и поддерживаемые убыхами, с которыми были в дружеских и родственных связях, разрушали козни в начале предприятия. С отнятием у бжедухов бассейна р. Псекупса, а у темиргоевских племен пространства земли по р. Белой, абадзехи, удовлетворенные ею, прекратили завоевания. Мирная жизнь, полная земледельческого труда, родила зачатки гражданственности, чему много способствовали постоянные наезды адыгских удалцов.

Каждое ущелье и река, смотря по населенности, поступили в распоряжение одного или нескольких избранных народом старшин, на обязанности которых лежало сохранение внешней безопасности и внутреннего порядка. Эти старшины, потомки Оздемира, Кушмеца и ногайских мурз, родовой власти над населением не имели, а пользовались со стороны народа таким уважением, каким в нашем простонародном обществе пользуется купец или чиновник. Впоследствии времени влияние адыгских племен отразилось было и на абадзехах, в отношении сословного разделения народа, но обстоятельства не благоприятствовали первым абадзехским старшинам, ставшим в уровень с тлекотлешами, присоединить к этому званию и права, ему соответствующие. Звание тлекотлеша, усвоенное ими для определения происхождения своего сравнительно с происхождением адыг, и необходимое при мирных сношениях с ними, навсегда осталось званием.

Тлекотлешами у абадзехов

Карта части Кубанской области. Долина Псекупса. Указанна Анапская или Генуэзская дорога.

были следующие фамилии: от Оздемира – Дауров, Бешико, Хуштако и Еномуко; от Кушмеза – Анчоко, Джанкет, Безруко и Темдаш; от нагайских мурз – Едиге, Касай, Унароро, Джюбатур и Аджитляш. Остальной народ, названный адыгами – тльфокотлем, принял это название после Бзюкской битвы, результаты которой его облагородили. По примеру адыгских племен и племени абадзехское имело сословие крестьян, но оно было в начале формирования племени незначительное.

Среди абадзехов, занявших бассейн р. Псекупс, было две фамилии тлекотлешей: Едиге и Бешико, а из тльфокотля пользовались особенным уважением потомки Неджюка, того самого наездника, который прославил себя в народе во время изгнания бжедугов. Неджюк, преследуя их, остановился на р. Супс, в окрестностях нынешней Супской станицы, где его партии, из опасения обесилить себя рассеянием, поселилась аулом. Крепкая лесистая местность Неджюкохабля благоприятствовала абадзехам отражать нападения бжедугских князей и дворян соседних адыгских племен, набеги которых были постоянны и опустошительны за укывательство тльфокотля и огов. Бежать к абадзехам, значило для них навсегда освободиться от преследований корыстолюбивых властей. В период же заселения абадзехами Псекупса, князья имели уже собственность, заботились об ее приращении и давили народ системой штрафов, основанной на обычаях, исходящих из уст сильного. Шапсугские и натухайские дворяне, интересы которых были нераздельны с интересами дворян бжедугских, при пособии их, таким же способом грабили народ.

Впоследствии, когда мусульманская религия отдала на обозрение и решение духовенства часть преступлений народа, бедствие его еще более увеличилось. Духовенство стояло на стороне натухаевских и шапсугских дворян, которые были первыми последователями Магомета. Боязнь лишиться мирских благ, доставляемых торговыми сношениями с Турцией, и утратить влияние на народ, заставила дворян не только оставить христианскую веру, смутно понимаемую, но сделаться подданными султана со всем народом, не думавшим однако же о подданстве. Этого мало; натухаевские и шапсугские дворяне способствовали крымским ханам Казы-Гирею и Девлет-Гирею омусульманить все племена Западного Кавказа, что сопровождалось немолчим истреблением народа, разорением его хозяйства и уводом с Кавказа множества жен и детей.

Заметить нужно, что распространение мусульманской веры встретило в разных племенах отпор разных сословий. Так, в бжедугском, темиргоевском и кабардинском князья и дворяне сочли бесчестьем подчиниться наставлениям

мулл и отстаивали свои непрочные религиозные убеждения как независимость, а тльфокотль напротив, в мусульманской вере увидел облегчение своей участи, защищал духовенство и сохранил до настоящих времен, под титулом султанов, потомство тех крымцев, которые оставлены были ханами в роли приставов.

В натухайских и шапсугских племенах, особенно в последнем, тльфокотль, усмотрев в своих дворянах рьяных поборников новой веры, не уверовал в блаженство магометова рая, продолжал, по обычаю предков, ставить кресты, продолжал есть свинину и терпеть двойное иго.

Что же касается абадзехов, то они менее других пострадали от нашествия крымских ханов. Псекупские абадзехи, укыв жен, детей и имущество в глубине трупоб, почтительно приняли назначенных им мулл и признали турецкого султана повелителем гор. А абадзехи по рекам Пишу и Пшехе, встретив ханов возле нынешней Пшехской станицы, хотя и потерпели жестокое поражение, но им удалось отстоять свои семейства и имущество, запрятанные в густые леса, которые тянутся вдоль левого берега р. Белой, между Белореченской и Ханской станицами. Убедившись, что абадзехи защищают не религиозные убеждения, а имущество, ханы не настаивали на разорении, а ограничившись оставлением у них значительного количества мулл, переправились через реку Белую. Радужным приемом мулл, абадзехи навсегда отделились от вторжений Турции в лице ханов и анапского паши, а строгим исполнением зекята, отделились от преследований духовенства. Другого ближайшего влияния Турция над абадзехами не имела, хотя и считала их подвластным племенем.

Из вышеизложенного видно, что среднее сословие в адыгских племенах находилось в безотрадном положении. В племенах, где тльфокотль сочувствовал духовенству, участь его, как замечено выше, начала улучшаться; в племенах же приморских, вся надежда тльфокотля возложена была на собственные силы и содействие абадзехов, переживших введение мусульманской веры без погрома и потери свободы. Сосредоточим же внимание исключительно на этих племенах, предпослав рассказ о торговле людьми, которая преимущественно принудила шапсугский и натухаевский тльфокотль воспользоваться удобной минутой к провозглашению свободы.

Сильный запрос со стороны Турции на кавказских красавиц и мальчиков, из которых первые поступали в гаремы, а вторыми пополнялся корпус янычаров, возбудил самую деятельную торговлю на берегах Черного моря. Занимались ею убыхи, натухаевские и шапсугские дворяне, владевшие приморскими бухтами. Золото, серебро и разные материи щедро вознаграждали торговцев и заставляли их, не довольствуясь сбытом живого товара, добывать его воровством и наконец даже у тльфокотля. Тогда бедствие народа дошло до крайних пределов; но он был молчаливой жертвой, опасаясь с одной стороны князей и дворянства бжедугского, имевших и свою пользу от подобного насилия, а с другой анапского паши, считавшего его подвластным народом, покорного Турции дворянства. Одни абадзехи вольны были в расплате с похитителями дочерей, производя такие хищничества у дворян и пряча концы у приятелей своих, убыхов.

Торговля эта, сопровождавшаяся разбоем, несколько смягчена была крымскими и турецкими армянами, увлеченными на Кавказ жаждой вернейших барышей. С появлением армян, оседло поселившихся среди горцев, укоренилась правильная и добровольная продажа людей за товары, привозимые из Турции. Муж продавал неверную жену или жену бездетную по согласию ее родственников, имевших в выручке свою долю. Отец и мать продавали дочерей своих, братья – сестер, также с согласия семейства. По выдаче подарков владетелю и сильному воркам, армяне пользовались их покровительством, закупали живой товар в окрестных аулах, свозили его под одну кровлю, прилично кормили, прилично одевали и потом караванами доставляли к морю, будучи в дороге обеспечены от нападений влияния своих покровителей.

Стоимость женщины на местах доходила от 200 до 500 рублей серебром на наши деньги. Девушки – от 500 до 800 рублей. На берегу же моря она увеличивалась: за женщину вторые руки платили от 500 до 800 рублей серебром, а за девушку от 800 до 1500 рублей серебром. Глаза, талия, рост, нога, рука и коса обращали особенное внимание оценщиков и служили мерилом платы. При покупке взрослых девушек, соблюдалась строжайшая деликатность во время осмотра их. Предварительно наученные матерью, они сами знакомили покупателя со всеми своими прелестями, представляясь ему в кунацкой, освещенной каминным огнем, затем торг заключался вне их присутствия. Осмотр же девушек до 9 лет был бесцеремонен. Покупатель, расположившись у камина, брал руки, ноги, ворочал их, угадывая стоимость ребенка в период его развития, обращал внимание на крепость сложения тела и тут же назначал цену. Окончательная покупка живого товара совершалась при свидетелях и муллах, писавших за вознаграждение «дефтер» – купчую. Мужчины от 10-20 лет составляли также предмет торговли. Мальчиков покупали с осмотром, во время которого обращалось главное внимание на черты лица и чистоту головы, плата за них из первых рук простиралась от 200 до 500 рублей серебром. Что же касается до взрос-

лых мужчин, то они, если не были крестьянами, продавали себя добровольно, мечтая в Турции сделать карьеру.

Черкешенки охотно расставались с родительским кровом; гарем в поэтическом воображении рисовался для них земным раем, полным неги и блаженства, о чем они имели известия от подруг своих, обновлявших турецкую расу. Вместе с этими известиями нередко родители их получали значительные подарки, в числе которых находились: «дарай» – шелковые материи, «некушхабль» – румяны, «ших» – монисты, «митль» – серьги, и прочие галантерейные и туалетные предметы, возбуждавшие тайное желание дикой горячки испытать завидную долю подруг. С проданной дочерью мать прощалась, держа ее за руки и мотая три раза головой в разные стороны, что исполняла и дочь; затем опускались головы на противоположные плечи и лились ручьи слез (поцелуй у горцев есть принадлежность одного только брачного ложа). Отцу же стыдно было прощаться; он гордо кивал головой, произнося «гогумаф» – счастливой дороги.

Оторванная от матери девушка, делалась собственностью покупщика и осушала слезы, принимая от него экипировку, стоимость которой пропорциональна была ее красоте. Хозяин дарил ей: «дисшепао» – шапку, стеганную из холста и обтянутую широким серебряным галуном с золотыми и черными коймами, фигура этой шапки пирамидальная; «тыжина бгырых» – серебряный пояс; «дари джин» – шелковую рубашку; «дари каптан» – бешмет; «гоченчь» – шальвары; «тляпед» – чулки, суконные для зимы, сафьянные – для лета; «сафтан чуак» – башмаки; «сшхатюх» – кисейное покрывало, в заключение – «аплисбцюк» – носовой платок.

Сафьянным корсетом, стягиваемым нитяным шнурком, «сафтан бгачапх», приходилось хозяину снабжать взрослых девушек из низших сословий и 9-летних девочек, не успевших дома затянуть грудь свою, скрываемую под корсетом до замужества. Искупленные черкешенки имели «унауток», служанок, пользовались со стороны хозяина вниманием и нисколько не чувствовали унижения рабства. Мечта о роскошной жизни в Турции и песня родная не разлучались с ними до самой кочермы; только на море и на рынке в Стамбуле, где то и дело распахивалось покрывало овладевала ими тоска по родине и мысль о неизвестности будущего леденила сердце*.

[*В 1864 г., в бытность мою Нижнеабинским приставом, для заблаговременного выбора девушек в гаремы из числа горских семейств, изъявивших готовность переселиться в Турцию, приезжала отжившая одалиской, из черкешенок фамилии Устова. В беседе со мной она была откровенна...]

С взятием генерал-аншефом Гудовичем в 1791 году кре-

пости Анапы, турецкое владычество на Кавказе было потрясено в самом основании. Натухаевские и шапсугские дворяне обязались присягой удерживать подвластный народ от набегов в наши пределы, также присягнули князья и дворяне бжедугские, но причины, побудившие тех и других принять присягу, были различны. Покорность первую имела в виду материальную силу для поддержания господства своего над народом, терпевшим, как сказано выше, насилие и обогащавшим ее; покорность же вторых была чистосердечная, основанная на существенной пользе, истекающей из добрых с нами отношений.

По выступлении наших войск от крепости Анапы, натухаевские и шапсугские дворяне, предоставленные собственным силам, тотчас должны были начать борьбу с восставшим тльфокотлем. Составив собрание, тльфокотль приговорил дворян к лишению права владеть приморскими пристанями, к лишению права суда и расправы, и стремительно произвел на дворянские усадьбы нападения. Из опасения потерять нажитое богатство, натухаевское дворянство не покушалось силой восстановить власть; войдя с тльфокотлем в переговоры, оно подчинилось всем его требованиям. Что же касается до сильных дворян шапсугских, то они ополчились под предводительством Али Султана Шеретлукова и начали усмирять народ оружием. Тогда сословное междоусобие вызвало с обеих сторон бесчеловечные злодеяния и опустошительные набеги, в которых принимали участие бжедуги, поддерживая дворян, и псекупские абадзехи, помогая тльфокотлю. Во время этой междоусобицы, Черноморское казачье войско спокойно заселяло прикубанские земли, дарованные ему императрицей Екатериной II. Для вернейшего успеха в порабощении мятежников, дворяне шапсугские переселились к бжедугам под покровительство влиятельного хамышевского князя Баты Гирея и решились в 1793 году послать в Петербург депутацию к императрице Екатерине II с просьбой о помощи против возмущившихся подданных. При депутатах, душою которых был шапсуг Али Султан Шеретлуков, находился, по обычаю горцев, за ходатая бжедугский князь Баты Гирей. Императрица, выслушав просьбу депутации, явившейся с изъявлением верноподданнических чувств, приняла ее милостиво и повелела от Черноморского казачьего войска дать просимую помощь. Помощь эта состояла в одной пушке и нескольких сотнях казаков. В 1794 году с возвращением депутации из Петербурга, результаты ее сделались известны шапсугам. Желая избавиться от вторжения неприятеля, шапсуги вооружились поголовно, усилились псекупскими абадзехами и выступили на границу своих земель с твердым намерением решительной битвой

отстоять свою независимость. Бжедуги также собрались по-головно на решительную битву и оба войска сошлись на урочище «Бзиук» – крыло, возле нынешней Ново-Дмитриевской станицы Псекупского полка, где и произошло кровопролитное сражение. Урочище Бзиук находится между правыми берегами рек: Афиписа и Шебжа и перерезывается сухой балкой, идущей параллельно течению последней реки. Южный гребень балки венчается лесом, который тянется вдоль всего берега Афиписа, а северный гребень открыт, соединяясь с прикубанской низменностью.

Шапсугский тльфокотль и абадзехи заняли леса. Бжедуги, шапсугское дворянство и три сотни казаков с артиллерийским орудием, замаскированным нарочитым образом, расположились на ровной местности. Упомянутая балка разделяла врагов. Крепкая позиция шапсугов, большей частью пеших и превышавших численностью противную сторону, не могла быть с успехом атакована кавалерией, почему, по совету князя Батыгирея, ловкие и отважные наездники завязали с тльфокотлем перестрелку через овраг. Затем, джигитуюя, они мало-помалу выманили шапсугов и абадзехов из лесу, показали тыл и увлекли их через балку. В этой джигитовке был убит шапсугский князь Баты Гирей [явно описка Каменева, правильно – бжедугский князь Баты-Гирей или Батчерий, прим. С.Х.] Тогда торжествующий неприятель отважно бросился на бжедугов, отступавших к казачьему резерву, и попал под близкий картечный выстрел. Гул пушечного выстрела, действие пуль, в одно время поражающих и людей, и лошадей, навел на шапсугов и абадзехов панический страх. Выдержав еще два картечных выстрела, они в ужасе предались бегству. Тогда бжедуги, мстя за убитого любимого князя, стремительно бросились за отступающей в беспорядке толпой и наполнили балку изрубленными трупами. Казаки в атаке не принимали участия и все время оставались в резерве, прикрывая орудие, первый выстрел которого впервые познакомил абадзехов и шапсугов с могущественным соседом.

Дорого обошлась Бзиюкская битва тльфокотлю, потерявшему до 4,000 тысяч человек убитыми и ранеными, но еще дороже она стала бжедугам, утратившим в лице князя Батыгирея влияние свое на соседние горские племена. Смерть Батыгирея и близость лесов прекратила неумолимое преследование победителей. Бжедуги и дворяне спешили оплакать потерю своего князя, положенного под небольшим, одиноко растущим дубом, молодым до того, что ветви его гнулись от бурок, защищавших труп убитого князя от лучей солнца. Донекие некоторые горцы указывают этот, названный «Батыгирея дуб

чигир» – Батыгирея дуб. Но некоторые говорят, что русский топор не пощадил его во время последних движений отрядов.

Бзиюкская битва, славная для дворян шапсугских, лишила их всякой возможности восстановить над тльфокотлем власть. Несмотря на огромную потерю в людях, тльфокотль не считал себя побежденным, не считал дела своего проигранным. Взгляд народа на Бзиюкскую битву выразился в ответе одной шапсугской женщины, которая вышла навстречу к возвращающимся с поля битвы. Желая узнать результаты ее, она спросила о муже своем, о детях, и получив известие, что головы их легли на Бзиюке вместе с множеством шапсугов, крепко пригорюнилась. «Что-ж вы то сделали доброго?» – спросила женщина. «Убили Батыгирея», – отвечали они. Услышав такой ответ, за минуту опечаленная вдова и мать, захопала в ладоши и пророческим тоном произнесла: «потерю шапсугов шапсугские женщины могут пополнить в одну ночь, а потерю Батыгирея, бжедугские жены во сто лет не исправят». После этого ответа не следует и распространяться о действительном завоевании средним сословием независимости.

В непродолжительное время шапсуги составили новые собрания и окончательно установили самоуправление, избрав старшин, которым вверены были реки и ущелья. Торговля на пристанях сделалась свободной, суд и расправа перешли к старшинам, дела религиозные и наследственные – к муллам. Словом, шапсуги, достигнув свободы, перестали завидовать жизни абадзехов и с той поры название тльфокотль сделалось почетным названием, приличным народу, не управляемому аристократией.

Впоследствии шапсугские дворяне, войдя в сношение с бывшими своими подвластными, получили от них позволение поселиться на своих пепелищах с условием – подчиниться общему народному управлению, но Али Султану Шеретлукову, главному виновнику бедствий народа и гибели его в Бзиюкской битве – разрешения не последовало. Он вторично ездил в Петербург и испросил у императрицы Екатерины II позволение поселиться со своими приближенными на землях войска Черноморского. От этого поселения возникла нынешняя Гривенская черкесская станица. В заключение приводим песню бжедугов о Бзиюкской битве, как образчик простой поэзии гор:

Его конь хоаре был с красивой шеей, на нем он отважно вступил с врагами в бой.

*Сражайся Батгирей!
Немного прошло времени,
конь хоаре был усеян стрелами, торчащими в его боках.
Сражайся Батгирей!*

Шишак у него как солнце был блестящий, между всеми он, как солнце сиял.

*Сражайся Батгирей!
Но вот из его рук выпала плеть шелковая, и он закатился от нас, как молодая луна.
Сражайтесь бжедуги молодцы!
Батгирей счастливый, рыдала по тебе счастливая невеста, Гошемаф*

*Сражайтесь бжедуги молодцы!
«Отостим врагам» раздался крик в воздухе и балка Негиде была завалена вражескими телами.
Сражайтесь бжедуги молодцы!
Расстегнутый воротник обнаружил его панцырь, он был в бою непобедим.*

*Пшемаф Батокон.
В ночное время оберегал он стан, как днем оберегает людей крепость.*

*Анчек Ахеджаков.
Шишак он надвинул и, опустив забрало, врезался в средину врагов.*

*Ислам Хаджимуков.
Он ранен был в бедро и, склонившись на шею коня, продолжал поражать врагов.*

*Бек-Мирза Ахеджаков.
У него было лицо железного цвета, и сам он был железный человек, свист пуль его тешил.*

*Берзег Едиков.
Он имел широкодульный мушкетон и одним выстрелом убил двух врагов.*

*Алхаз Лакшоков.
Он натягивал тетиву лука во всю длину стрелы, и удары его стрел смертоноснее были пуль.*

*Казы Декыджев.
Конь его был лысый, с голловой, как у оленя, а сам он играл головами шапсугов.*

*Алхаз Хаджимуков.
Его конь бечкан играл под ним, а он не считал удары меча своего.*

*Агубок Хаджимуков.
Под ним был горячий конь кодемех, он им топтал шапсугскую пехоту.*

*Едыг Берзегов.
Он славно пал в бою, и двери его сакли закрыли маленких детей.*

*Есенгел Ешуков.
Он первым сделал выстрел и убил главного шапсугского вождя.*

Закерей Хеусоков.

V

Рассказом о Бзиюкской битве оканчивается свод изустных преданий, сохранившихся у абадзехов и соседних с ними племен. Время, проведенное горцами в борьбе с русскими станицами и кордонами, систематически подвигавшимися к предгорьям главного хребта, оставило весьма мало фактов, которые, врезавшись в народную память, могли бы служить пособием для исторического очерка. Время это богато только песнями о личных подвигах джигитов, прославившихся удачными набегами на казачью линию и там же сложивших головы. Слава наездника, по мнению горцев, приобреталась за пределами родины; защита аулов от набегов наших войск считалась делом обыкновенным, от которого освобождались дряхлые

старика и женщины, обязанные укрывать детей и домашность, и действительно: турлучные постройки аула горцам ничего не стоили; ответственное наказание за хищничества достигало тогда только цели, если наши войска, предав пламени строения, угоняли в то же время и скот; но и в таком случае, постройка сакель в более глухом и отдаленном месте от линии и обезвреживание накраденным или отбитым у казаков скотом, окончательно изглаживали следы разорения. Аул процветал снова, снова высылал на промысел наездников, вычеркивая из памяти недавнее вторжение русских. Отдавая преимущество набегу перед защитой, горец с гордостью передавал детям своим об удали отцов, которые, презирая опасность, увеличивали имущество и число крестьян своей фамилии, а о вторжениях русских и разорении аулов относился, как о ежедневно ожидаемой невзгоде.

Что же касается абадзехов, составляющих главный предмет настоящего очерка, то отделенные от русского кордона племенами адыге, они видели войска наши только по реке Белой, и до устройства Лабинской линии почти безнаказанно производили набеги на старые и вновь возникавшие станицы.

По рассказам абадзехов, племя их, по занятии русским населением земель, лежащих на правой стороне Кубани, первоначально не питало к нему ни малейшей неприязни. Русские не беспокоили их и не простирали видов на их независимость; врожденная же страсть к хищничеству удовлетворялась на землях, принадлежащих темиргоевцам. За Кубанью интересовала абадзехов исключительно Черноморская озерная соль, за которую они платили ногайским мурзам скотом или кровью, делая за нее вооруженные экспедиции, а с приходом русских соль выменивалась ими на строевой лес в учрежденных для этой цели соляных магазинах, возле которых открывались соляные базары, где абадзехи приобретали: ситцы, бязь, сафьяны, сундуки, котлы, разные металлические предметы и пр., кроме пороха, свинцу, серы и железа, от мены с горцами строго воспрещенных.

В добрых отношениях к русским абадзехи пробыли до мира с темиргоевским племенем, заключенного после взятия русскими войсками в 1807 году крепости Анапы. Темиргоевцы, приглашенные турецким правительством участвовать в обороне этой крепости, сочли стыдом возвратиться в свои аулы без славы и добычи, и вот, проходя через земли абадзехов, производивших во время их отсутствия грабежи, они сделали на них нападение, отбросили их в глубину гор, захватив много имущества и по реке Пшишу – земли. Между абадзехами и темиргоевцами вспыхнула ожесточенная борьба, поставившая последних,

разоряемых в тоже время русскими, в крайне затруднительное положение. Войдя в переговоры с абадзехами, темиргоевцы вынуждены были выслать представителей своих в аул Джанкетто-Хабль (на р. Пшише), куда собрались абадзехские тлекотлеши – и там, рукоприкладством к корану, обе стороны присягнули на вечный мир. С той поры, в каждой партии, выехавшей из темиргоевских аулов поразбойничать на правой стороне Кубани, находились недавние их враги абадзехи, изучавшие под их руководством местность линии.

Когда же, в 20-х годах нынешнего столетия, темиргоевский князь Джембулат Болотоков, с шестью подвластными ему аулами, подался от Лабы к р. Белой, сближение с абадзехами сделалось политической целью соседних с линией адыгских племен. Будучи поставлены в невозможность вести с русскими открытую вражду, выдав в залог верности аманатов, племена адыге подстрекали к набегам абадзехов, были у них вожаками, а князь Джембулат Болотоков водил большие партии их и внутрь линии, где в числе прочих станиц разграблена была Александрия, на р. Куме. Таким образом, мирные аулы, владельцы которых получали от правительства за преданность значительные подарки и денежное ежегодное содержание, служили ненадежным прикрытием для русского населения. Отвечая за участие в набеге целостью своего имущества и аманатами, которыми угрожала ссылка во внутренние города империи, они употребляли все ухищрения, чтобы делая вред русским избежать ответственности. Так, партия абадзехов в оба конца пути не заезжала в мирные аулы; избирала места переправы где-либо вдали от них, отчего след, открытый казаками, тянулся вне аульных юртов, по местам глухим, прямо за реку Белую. Мирные горцы оставались правыми, тогда как сделанный набег был общим между ними и абадзехами делом.

По невозможности составить перечень непрерывному ряду набегов на кубанскую линию, имеющих в главных чертах сходство и отличающихся только результатами, расскажем о набеге абадзехов незначительными и большими партиями, пополнив рассказ некоторыми очерками из внутреннего их быта.

Публикуется по: Кубанские войсковые ведомости. N 5 от 4 февраля 1867 г., с. 19 – 20; N 27 от 15 июля 1867 г., с. 107; N 28 от 22 июля 1867 г., с. 111; N 29 от 29 июля, с. 115 – 116; N 49 от 16 декабря 1867 г., с. 205 – 207.

(Продолжение в следующем выпуске).

Материал к публикации подготовил Самир ХОТКО.